

Ефиму Ярошевскому 80 лет

Заглянув в ФБ, удивилась числу френдов Ефима Ярошевского — 1619, правда, бывает и большее, но меня ошеломила скрытая магия этого числа. Попробуйте повернуть его на полкруга и получим — 6191! И такое (мгновенное увеличение), возможно, реально только в виртуальном пространстве ФБ. Как и друзей общих число-неваяшка (69)... Все возможно в ФБ! Ефим Яковлевич осознаёт это: "Я — раб Лампы, раб Интернета, раб "Фейсбука"... (впрочем, все мы...).

Время в этом пространстве создает особую пульсацию, пронизывающую каждое сердце, каждую клеточку, и возникает необычное поле эмоционального отклика на ежеминутные события жизни, которые так чутко откликаются в душе Поэта: "Но стоит ледяным ветрам подуть, и ты увидишь, как тебя завертит. Страхись забыться, берегись уснуть: и поешь, и живешь, и спишь на грани смерти".

В данном случае я намеренно не сохранила рисунок строфы поэта. Меня потрясла нравственная страстность творческой личности, пропускающей все ветра века сквозь себя.

*Здесь прошла баррикада —
по нашей груди
(эту рану — не надо, не бери!).
Мы не знаем, кто рядом, кто там впереди —
то ли друг,
то ли падал на нашем пути?
Что же делать, так надо.
Надежда, веди!
Где душа обливается кровью
и исходит любовью:
среди плах,
и ножей, и жаровен —
там, где мечется огненный птах,
где проклятья кипят на устах —
там я тоже виновен...*

Эта позиция поэта — трепетная, гуманистическая — с годами становится всё острее и острее... Поэт мгновенно реагирует на малейшее отклонение от человечности и это видно сразу же, в ФБ... Он тут же написал о Мариуполе:

"Российские ТВ-каналы обвиняют... украинские (??) войска в обстреле спальных районов Мариуполя — в обстреле своего города! Невероятно, фантастическая низость... Подлость и глупость".

Понятно, почему у Поэта столько читателей и почитателей. Очень приятно было читать, что "в субботу, 17 января 2015 г., в Доме поэтов в Нью-Йорке на презентации 4-го выпуска литературного журнала "Cardinal Points" с моим эссе о Ефиме Ярошевском я (Alla Steinberg) прочла свою версию на английском его двух стихотворений".

Проникая в тело его стиха, в его фразу, удивляешься его игре со словом, со звуком, со смыслами, с рисунком стиха:

"О, обними своих чад, Ниобея, и защити, на заре голубея, сонных и тёплых детей! Где облака на заре розовее, не оборзей, на ветру бронзовея, и пощади своего иудея там, у заветных дверей! А по-

ка — луну ко мне влажные сёстры Борея — и, на январских ветрах холодея, кличут: ко мне, иудей!.. (мир не без добрых людей)".

Мраморный шар античной трагедии, перекатываясь из строфы в строфу, так бы и остался только игрой в звуки ("О, обними, Ниобея, голубея..."), если бы не мандельштамовский приём сталкивания слов. "Сонные и тёплые дети" расширили масштаб личной трагедии женщины, у которой погибают дети, до масштаба Катастрофы!

*Но жил Бог в этой снежной стране,
где ветром забыты рты...
Там играл еврей на одной струне
белой Его бороды...*

Умение сталкивать и соединять, талант находить новые смыслы проявляются во всём. Вот коллаж из старых фотографий, на которых и он, и его мама в одинаковом возрасте...

Какие благородные лица! Времени нет...
Есть неизменность благородства да саркастическая отстранённость как способ выживания в этом изменчивом и весьма недружелюбном мире...

Рука Ефима Яковлевича давно извивающейся линией творит рисунки, на которых чаще всего изображён силуэт гениального Поэта. Внешнее сходство с рисунками самого А.С. Пушкина — только самоирония, а смысл их — поиск защиты, своеобразная молитва своему кумиру и, как бы ни протестовали оскорблённые фейсбучные дамы, и эта грань творчества Ярошевского невероятно интересна!

*Так день и ночь дышал и жил играющий
в поэзию, ночь напролет читающий,
достоинство и честь страны порочащий —
поэт, свои стихи в ночи бормочущий...*

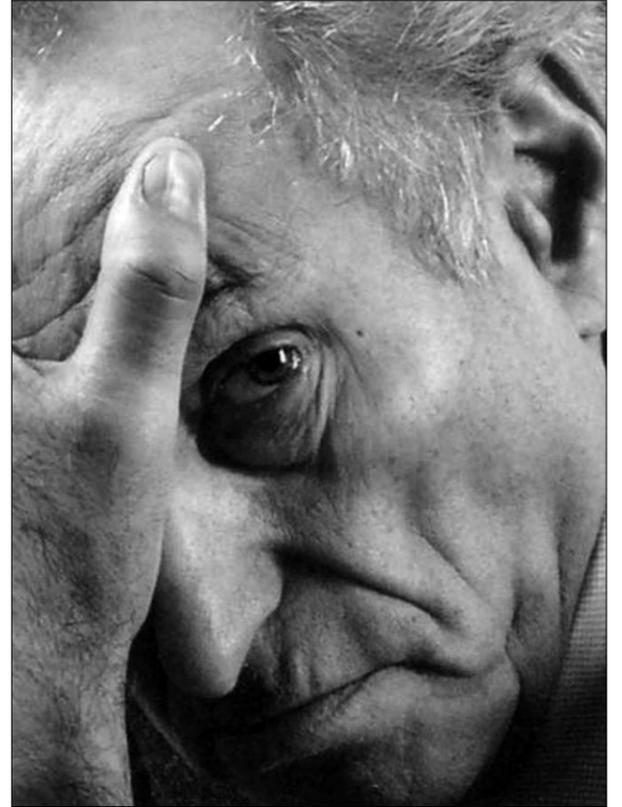
Это, скорее всего, о любимом поэте, а это — уже о себе:

*Какие могут быть шутки?
боль входит ко мне, не шутя.
И вирши мои, прибаутки
глотает она, как дитя.
Когда же в окнах стемнеет
и в палатах погасят свет —
на соседней крыше
закат пламенеет,
как Новый Завет...*

А далее я наталкиваюсь на строки:

*Все чаще стали сниться сны
про нескорый приход весны.*

И вспоминаю, что ещё одно число созревает к середине марта, ведь в этом году Ефиму Ярошевскому исполняется 80 лет. Возраст патриарха!

Я предчувствую, как интересно будет проживать с нашим героем в магическом пространстве ФБ этот отрезок времени, как грандиозно прошумит это событие, но для нас, для людей прошлого века, нет ничего заманчивей, чем шорох страниц новой книги... Как я жду эту новую книгу, чтобы вместе с автором сказать:

*И вот результат: все у меня в кармане,
все в переплете...
Я могу каждого перелистать перед сном,
как память о лете.
О днях былых и нынешних.
С каждым перебросятся словом.
И сладко заснуть.*

Галла МАРКЕЛОВА.

Рисунки и стихи Ефима Ярошевского.

Стихи разных лет...

Мимо лета, мимо арбалета,
Мимо ядер солнечного света...
Мимо опрокинутой метели
(что давно в России пролетели)...
Мимо гимна, мимо партитуры,
Мимо гениев литературы...
Мимо града, мимо винограда
Кораблей крылатая армада.
Мимо мира, мимо Армавира
Пролетает вольный сын эфира.
Мимо лета, мимо пистолета,
В ожиданье божьего привета.
Мимо революций, мимо бунта
Пронеслась таинственная хунта...
Облака кочуют мимо славы,
мимо загазованной державы.

Мимо горя, мимо керосина
проплывает город Хиросима...

С партитуры усталого негра
Каждый слизывает свой блюз.
Здесь прошла шоколадница Энгра
(Лиотара, знакомого венгра?),
но сказала: я тороплюсь...
(Деве минус, а мне плюс!)
Я уже давно не колюсь...

Не читаю на ночь Коран,
Не курю золотой кальян,
Не базарю... (Правда, Колян?)
Рву цветы с земляничных полей,
Не тревожу больных землян.
И стираю, впадаю в азарт,
Неприличное слово с парт...
(А под партой — Камю и Сартр.)

Я ловлю запредельный драйв,
захожу по дороге в кайф.
Я ложусь в бесконечный дрейф,
я смотрю в опустевший сейф.

Там последний на свете гой,
предпоследний на свете гей
и последний живой еврей...
В парусах там ветер тугой
— и родной вертухай у дверей.
...впрочем —
избегаю уличных драк,
попадаю в сырой овраг,
выпадаю в чужой теракт...
...За окошком — промозглый март.

ОДЕССА, 60-е...

Дождь утихал.
Мы расходились поздно,
как заговорщики в ночи. И каждый
прислушивался долго и тревожно,
как затихали гулкие шаги
товарища. Мы были одиноки
и счастливы...

В порту спросонок выли
охрипшие сирены пароходов.
Накинув капюшон,
ходил вдоль ночи
дежурный постовой.
Холодный ветер по мокрым рельсам
убегал к вокзалу...

...Ночь пеленала
в осторожном ливне
усталый, успокоившийся город.
Кариатиды зябли на ветру,
впиваясь в мрак
незрячими глазами.

И море,
как медведь в своей берлоге,
ворочалось и не могло уснуть.

ВЕСНА, ДВОР...

Пока еще в уборных тьма
стать предрассветной тужится,
вольфрама ниточка одна
подслепогато мружится.

Пока еще кипит во рту
ночное электричество,
перегоняет небо ртуть
из качества в количество.

Пока холодное депо
полно пустот и сырости,
и полон двор сырых грибов,
и им уже не вырасти;

пока еще у сосен грипп,
и им не скоро выздороветь,
весне не выйти из игры б —
но только б раму выставить;

большими зубками рассвет
посасывает лампочки,
сырой парадной слабый свет
ночь делит пополам почти.

Пока губами сквозь туман
еще деревья всхлипывают,
пока еще идет роман,
пока перо поскрипывает,

пока свежи на строчках швы
и смысл еще не выскользнул —
застать бы мир еще живым,
еще сырым, невысказанным!..

ОДЕССКИМ ХУДОЖНИКАМ
ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

Пока на холсте серебрится, плывет,
и трепещет, и блещет
заветная рыбка Хруща,
пока кувыркаются птички, и рыбки,
и перья Дульфана
на шляпах прохожих,
и море у рта закипает, и мастер
живет, и рисует,
и спит наяву, трепеща,
и он одинок, и несчастлив,
и счастлив в беде, и тоскует;

пока в зеркалах мастерских
отражается сумрачный мир,
и око художника жадно вбирает
в себя ненасытно изгиб Афродиты,
и спит, разваливаясь на прохладных
подушках, трусливый эмир,
и можно сказать одичалому хаму,
и хану, и гунну: "Иди ты!..";

пока мадам Нудельштофер снимает
с веревки свое золотое белье —
оно, слава Богу, сухое —
ее еще любят мальчишки! —
и Рихтер следит из окошка,
как месяц восходит
(ползет, пробираясь
по крышам кошачьим, жулье,
звезда могоендовидом ходит
туда и обратно, и нет ей ни дна
ни покрывки);

пока оголтелое солнце
стекает по лезвию кисти, ножа,
пока польхает свеча,
и море за окнами бродит и пучится
в утреннем блеске,

и рыба священна —
до тех пор мы живы,
и снова зовем почитателя, зрителя,
критика, друга, врача
(палача, стукача!),
и, кажется, краска
и слово поэта,
как Слово Господне —
нетленны!

ВЕСНА 45-ГО...

Просьпаясь рано поутру:
за окном отец мой на ветру.

Ждет, когда закончится метель.
Переждать бы эту канитель!

Поздно... Мутно небо. Ночь мутна.
Улица белее полотна.

Утро, ночь ли — не видать ни зги.
Камни прочно встали, как враги.

Черный забинтованный трамвай.
Дед роняет хлеба каравай.

Папа входит в сумрачный подъезд.
За спиной — война, Россия, Брест.

Долгая горячая страда,
битая незрячая страна.

Из развалин тянет тишиной,
теплым ветром, гильзами, травой.

Позади — беда и лазарет.
Впереди — Синай и Назарет.

Танки, разогретые весной,
лето сорок пятого и зной.

Папа —
рослый, сильный, молодой —
весело справляется с бедой.

И, не зная, что сказать весне,
мама улыбается во сне...